

Список литературы

- 1 Белорусский военный округ. – Минск, 1973. – С. 176.
- 2 Долгогович, Б. Д. Военачальники – сыны Беларуси на фронтах Великой Отечественной войны / Б. Д. Долгогович. – Минск : БИНТУ, 2003. – С. 48.
- 3 Коршук, В. К. Подвиг народный / В. К. Коршук, В. П. Павлов. – Минск : Знание, 1984. – С. 18.

УДК 271.2 "19" (476)

ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ОКУПИРОВАННОЙ СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА)

И. А. ГРИЩЕНКО

Учреждение образования

«Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого»

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной советской территории активно восстанавливалась церковная жизнь. Согласно официальным документам, на 1 января 1948 г. в Белоруссии – 1051 православный храм, в том числе 302 в восточных областях, и почти все они были открыты в период оккупации [1, с. 172]. При отсутствии материальных возможностей было восстановлено более 40 % от дореволюционного количества церквей [1, с. 182]. В Восточную Белоруссию, которая за годы советской власти была превращена в церковную пустыню, по благословению архиеп. Пантелеимона (Рожновского) были направлены миссионеры, насельники Жировицкого Успенского монастыря архимандрит Серафим (Шахмуть) и священник Григорий Кударенко. К моменту их прибытия в Гомель в городе уже действовало три храма: Георгиевская церковь (освящена 25 октября 1941 г.), Полесская Николаевская церковь (освящена 17 декабря 1941 г.) и Петро-Павловский собор (освящен 17 марта 1942 г.). В Гомеле миссионеры находились с 4 июля 1942 г. по 26 сентября 1943 г. За это время архимандрит Серафим со своим товарищем освятил множество храмов в прилегающих районах Гомеля. По сведениям Гомельского благочинного Николая Гейхрота за годы оккупации в Гомельском районе было открыто 17 храмов. Кроме Гомеля была организована приходская жизнь в Красном, Еремино, Старой Белице, Бартоломеевке, Новых и Старых Дятловичах, Скитке, Ченках, Новобелице, Крупце (Урицкое), Прибытках, Бобовичах, Головне, Романовичах [2, с. 23, 24]. Во время оккупации по ходатайству прихожан также были

открыты храмы в Глубоцком, Гадичево, Поколюбичах [3, с. 36, 99, 130]. Такой всплеск религиозности удивил оккупантов. Вполне естественно, что нацистское руководство рассчитывало на поддержку со стороны некогда гонимой Православной Церкви, по крайней мере, на стадии ведения войны с СССР.

Однако обольщаться относительно лояльности оккупационных властей к Православной Церкви не приходится. Высшее руководство III рейха подчеркивало чуждость христианского учения нацистской идеологии, которая в основе своей имела неязыческие корни. Всякие заигрывания с церковью, будь то католической, протестантской или православной, следует рассматривать исключительно как тактический ход нацистского руководства, а антихристианская позиция фюрера была вполне определенной: «Мы знаем, что христианство – всего лишь недолгая эпоха в истории человечества. Я не потерплю, чтобы поп вмешивался в земные дела. Но в этом деле нельзя ломать через колено. Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать сплошь дураки, а слушать их будут одни старухи» [4, с. 89, 90, 50]. «Иудеохристианскую» идею о жизни в потустороннем мире А. Гитлер называл скотской, но Христа считал арийцем [4, с. 80, 51]. А. Гитлер в дальней перспективе видел Германию, очищенную от христианства. Конкордат с Ватиканом, по его словам, «не удержит от того, чтобы искоренить христианство в Германии, истребить его полностью вплоть до мельчайших корешков». Основой религии немцев, по мнению фюрера, станет «вера в бога природы, в бога собственного народа, в бога собственной судьбы, собственной крови. Немецкое христианство – ерунда. Или ты христианин или язычник. Совмещать одно с другим невозможно» [5, с. 59]. Ряд германских теологов принялись разрабатывать догматы новой религии. В 1934 г. профессор богословия Э. Бергман набросал общий догматический план: «Еврейский Ветхий Завет не годится для новой Германии; Христос был не евреем, а нордическим мучеником, отправленным на смерть евреями, и воином, призванным спасти мир от еврейского влияния; Адольф Гитлер – новый мессия, посланный на землю, чтобы спасти мир от евреев. Или у нас будет германский бог, или не будет никакого» [5, с. 62]. А. Гитлер относился к проектам профессоров скептически в том смысле, что не они должны были создавать религию национал-социализма.

Политика относительно христианской церкви была сначала отработана на католической церкви. Несмотря на конкордат нацистской Германии с Ватиканом, подписанный в Риме 20 июля 1933 г., сохранивший некоторые привилегии католической церкви, в обмен на невмешательство церкви в политические дела, нацистское руководство считало себя вправе исполнять условия соглашения ровно настолько, насколько ему это было нужно. С 1933 г. по 1936 г. римским папой было направлено 34 ноты протеста в адрес

германского правительства, нарушавшего права католиков в Германии [6, с. 549]. В энциклике Пия XI «С глубокой тревогой» завуалировано критиковались антисемитские выпады нацистов в адрес Ветхого Завета: «Кто бы ни желал видеть изгнанной из церкви и школы библейскую историю и мудрые теории Ветхого Завета, тот хулит имя Бога» [6, с. 550]. Однако ни Пий XI, ни, тем более, Пий XII прямо не выступили с осуждением расовой теории национал-социализма или против холокоста. Как относиться к практическому воплощению нацистской доктрины, католики и протестанты решали лично.

В ответ на энциклику усилились репрессии в отношении католиков. Такие же репрессивные меры нацистами были предприняты и в отношении протестантской оппозиции. В 1938 г. в концлагере Дахау, «специализировавшемся» на духовенстве, находилось 304 священника. За годы войны в Германии было рассмотрено 9 тыс. дел по обвинениям католиков в антигосударственной деятельности. В результате около 4 тыс. человек было казнено или замучено в концлагерях. Через Дахау за годы нацистского режима прошло 2720 священников, в том числе 22 православных [5, с. 69, 84]. Глава РСХА Р. Гейдрих, как и фюрер, рассматривал конкордат с Ватиканом лишь как отсрочку окончательного удара по христианству в Европе. В 1937 г. НСДАП заговорила о массовом выходе своих членов из католической церкви. С осени 1940 г. положение христианских конфессий в Германии ухудшилось. Гаулейтеры получили право конфисковывать церковные и монастырские здания для военных нужд. В Германии ликвидировали 120 монастырей, еще ранее в присоединенной Австрии закрыли около 1000 монастырей [5, с. 77, 61]. К лету 1941 г. в III рейхе была запрещена церковная печать, включая теологические журналы. Своеобразной репетицией проведения в жизнь антицерковной политики на оккупированной территории стала область Вартегау (часть Польши с центром в Познани). С сентября 1939 г. там проводилось последовательное уничтожение всех религиозных организаций, главным образом католических. К приходу советских войск 97 % храмов, существовавших до войны, и все монастыри были закрыты. Из 1900 священников более 90% были арестованы, депортированы или убиты [5, с. 77]. В случае победы Германии в войне то же самое ждало христианские церкви всех деноминаций на территории III рейха.

Планируя нападение на СССР, гитлеровское руководство рассчитывало активно использовать религиозный фактор. Между различными ведомствами в нацистской Германии существовали разногласия тактического плана относительно церковной политики на оккупированных территориях. Военная администрация готова была к сотрудничеству с религиозными организациями с целью «замирения» местного населения, находящегося в тылу у частей вермахта. Министерство занятых восточных территорий в лице

А. Розенберга полагало, что церковь на оккупированной советской территории необходимо использовать в пропагандистских целях. РСХА, высшее нацистское руководство выступали за активизацию антицерковной политики. В системе Главного управления имперской безопасности (СД) был специальный «церковный отдел», осуществлявший контроль за религиозными организациями, наблюдение за настроениями духовенства и прихожан всех конфессий, вводилась разветвленная агентура в церковные круги. Партийный идеолог НСДАП А. Розенберг, став министром оккупированных территорий СССР, 16 августа 1941 г. распространил циркуляр, в котором была определена религиозная политика нацистов: поддерживать религиозное движение как оппозиционное большевизму, препятствовать консолидации отдельных церквей, использовать церковные организации для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях [7, с. 510]. Директивы А. Гитлера относительно церковной политики на Востоке отличались жесткостью. В частности служащим вермахта запрещалось участвовать в религиозной жизни населения на оккупированной территории. Запрещены были всякие контакты капелланов с гражданским населением. Не допускались перемещения священников с территории рейха на оккупированные территории. Глава РСХА Р. Гейдрих в указе от 16 августа 1941 г. отмечал: «О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось никакого оформленного организационного слияния... православных кругов. Равным образом не надо препятствовать развитию сектантства на советско-русском пространстве» [5, с. 158]. Это соответствовало взгляду фюрера: «Следует избегать создания единых церквей. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта со своими представлениями о боге, тем самым разъединяющие тенденции в русском пространстве еще более усилятся» [4, с. 198].

В октябре 1941 г. Генеральный Комиссариат Белоруссии заявил, что Православная Церковь может существовать только как автокефальная, и оговаривалось ее название – «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь». При этом нацистов совершенно не интересовала каноническая сторона дела, да в ней они и не разбирались, поскольку церковная автокефалия служила их ближайшим целям. В перспективе же Православная Церковь подлежала ликвидации. Чтобы пресечь любую консолидацию народа на оккупированных территориях, было предпринято не только административное деление, не совпадавшее с границами советских республик, но также деление церковных округов с децентрализацией церковного управления. Оккупационные власти с опорой на националистов-коллаборантов предприняли шаги по отрыву Белорусской Православной

Церкви (БПЦ) от Московской Патриархии. Националисты настаивали на белоруссизации БПЦ. Оккупационные власти требовали, чтобы проповедь в храмах и делопроизводство велись на белорусском языке, а назначение епископов, благочинных и священников не производилось бы без ведома немецких властей. Неосведомленность оккупантов в канонах Церкви было использовано руководством БПЦ. Экзарх БПЦ митр. Пантелеимон (Рожновский) и сменивший его архиеп. Могилевский Филофей (Нарко) сделали все возможное, чтобы не допустить отделения БПЦ от РПЦ. Белорусская автокефалия, несмотря на официальное провозглашение 30 августа 1942 г., так и не была оформлена канонически [8, с. 333]. В мае 1944 г. архиерейская конференция БПЦ объявила постановления Собора 1942 г. недействительными. Все белорусские архиереи, эмигрировавшие в 1944 г. в Германию, присоединились к Карловацкому Синоду, что подтвердило их общерусскую ориентацию [1, с. 173].

Непросто давать оценку церковной жизни в условиях немецко-фашистской оккупации. Оккупационные власти требовали от духовенства проявления лояльности. Находились в среде духовенства те, кто готов был к активному сотрудничеству с оккупантами, преследуя своекорыстные цели. Случались компромиссы со стороны духовенства с целью сохранения не только своей жизни, но и жизни прихожан. В Гомеле 20 апреля 1942 г. по распоряжению Городской Управы была совершена служба с многолетием А. Гитлеру по случаю его дня рождения [2, с. 22]. Но, как правило, верующие болезненно реагировали на втягивание Церкви в пропагандистские кампании нацистов. Неприятное впечатление на православных гомельчан произвела служба в Петро-Павловском соборе, проведенная архиеп. Николаем (Автономовым). Ропот вызвала проповедь, направленная на поддержку фашистского режима, а также странный внешний вид архиерея: безбородый, стриженный, без мантии. 22 июня 1943 г. в годовщину нападения Германии на Советский Союз Николай Автономов на площади при большом стечении народа и в присутствии немецких и гражданских властей выступил с проповедью, восхвалявшей Гитлера как освободителя Европы от большевизма. Вскоре выяснилось, что Николай Автономов принадлежал обновленческой церкви и его архиерейство не признано РПЦ. По требованию верующих и большинства православного духовенства Николай Автономов был удален из Гомеля [2, с. 23].

Под давлением нацистов Белорусская Автокефальная Православная Церковь призывала не помогать партизанам и подпольщикам. Но случаи доносов, нарушения тайны исповеди со стороны православных священников были единичны. Многие священники активно сотрудничали с подпольным и партизанским движением. Командир партизанского отряда им. Кирова в докладе сообщал о деятельности священника Раины Кузьмы Петрови-

ча: «Доставлял в партизанские отряды разведанные, призывал население к оказанию содействия народным мстителям. Проявил себя как подлинный патриот нашей великой Родины». 9 октября 1943 г. священник был арестован нацистами в храме и приговорен к расстрелу. Он чудом спасся, позже служил настоятелем Петро-Павловского собора в Гомеле [5, с. 439]. Среди тех, кто помогал партизанам, был и настоятель Полесской Николаевской церкви г. Гомеля протоиерей Василий Копычко. В годы войны он служил на Пинщине. Протоиерей Александр Романушко в письме митр. Алексию (Симанскому) осенью 1944 г. сообщал, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55 % в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам [1, с. 123].

Духовный опыт христианской Европы в противостоянии Креста и свастики не позволил мракобесию XX века взять верх. Православная Церковь не только выстояла в годы Великой Отечественной войны, но своим служением Богу и Отечеству явила пример истинного патриотизма, который не отождествляет понятия «Родина» и «политический режим» и не подменяет их друг другом. 22 июня 1941 г. митр. Сергей (Страгородский), Патриарший Местоблюститель, в своем «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», призвал не оставаться молчаливыми свидетелями происходящего и не предаваться «лукавым соображениям» о «возможных выгодах» по другую сторону фронта, что было бы «прямой изменой Родине и пастырскому долгу» [1, с. 119, 120]. Если бы политиканство затронуло основы вероучения, вряд ли бы Православная Церковь устояла. Церковь сохранила свое единство благодаря ясности канонического сознания.

Список литературы

- 1 **Шкаровский, М. В.** Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве / М. В. Шкаровский. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2005. – 424 с.
- 2 **Кривонос, Ф. П., прот.** Незабвенный пастырь преподобномученик Серафим Жировицкий / протоиерей Феодор Кривонос. – Минск : ВРАТА, 2016. – 52 с.
- 3 **Цыкунов, С. В.** Исторические сведения о приходах Гомельской епархии. Гомельский район / С. В. Цыкунов, В. Л. Ветошкин. – Гомель : Барк, 2017. – 212 с.
- 4 **Пикер, Г.** Застольные разговоры Гитлера / Г. Пикер. – Смоленск: Русич, 1993. – 496 с.
- 5 **Шкаровский, М. В.** Нацистская Германия и Православная Церковь / М. В. Шкаровский. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2002. – 524 с.
- 6 **Норвич, Д.** История папства / Джон Норвич; пер. с англ. А. В. Короленкова и Е. А. Семеновой. – М. : АСТ, 2014. – 606 с.
- 7 **Регельсон, Л.** Трагедия Русской церкви. 1917–1945 / Л. Регельсон. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2007. – 642 с.
- 8 **Архиепископ Афанасий (Мартос).** Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / Афанасий (Мартос), архиепископ. – Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2000. – 352 с.